



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ



ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Очерки общей этнографии. Под редакцией С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова. Вып. 1. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка. М., 1957, 342 стр.

Мировая этнографическая литература небогата публикациями по общей этнографии. Очень мало таких работ вышло и в нашей стране: курс лекций В. Н. Харузиной в дореволюционное время, «Народы мира» Я. И. Руднева в 1920-х годах. Эта последняя книга, выпущенная в годы нэпа издательством Сойкина, своим появлением показала, как велика в широких кругах читателей потребность в общетнографической литературе, но, будучи написана на крайне низком научном уровне, принесла больше вреда, чем пользы.

Стоявшая перед советскими этнографами задача создания подлинно научного труда о народах мира требовала очень большой предварительной работы. Надо было не только поднять огромный фактический материал о народах всех частей света, но и выработать новые, марксистские принципы этнографического исследования. Потребовалось немало лет, чтобы преодолеть укоренившееся представление об этнографии как о науке, имеющей дело только с отсталыми народами или курьезными пережитками у народов «цивилизованных», чтобы повернуть кадры этнографов к изучению современности, чтобы разработать методы этнографической характеристики всех народов — больших и малых, отсталых и развитых.

Вот почему только в 1954 г. Институт этнографии Академии наук СССР смог выпустить в свет первую книгу советской этнографической серии «Народы мира» — том «Народы Африки». Сейчас эта серия уже пополнилась рядом последующих томов, посвященных народам Австралии и Океании, Сибири, Передней Азии; не далеко то время, когда читатель получит и все остальные тома.

Но «Народы мира» задуманы в составе пятнадцати весьма солидных по своему объему томов. Хотя это издание предназначено не только для специалистов-этнографов, но и для более широкого круга читателей, — трудно рассчитывать, что оно найдет себе место на полках, например, районных библиотек. Следовательно, выпуск многотомника «Народы мира» не удовлетворит потребности в общедоступных этнографических публикациях — как учебного, так и самообразовательного характера. Именно такой публикацией является подготовленная авторским коллективом Института этнографии работа «Очерки общей этнографии» — книга, к которой в первую очередь обратится и студент, и школьный учитель, и пропагандист, и каждый советский человек, заинтересованный культурной жизнью народов мира, их происхождением или современным положением.

Рецензируемый первый выпуск «Очерков» состоит из четырех разделов: 1. «Общие сведения (расы, языки и народы)»; 2. «Народы Австралии и Океании»; 3. «Народы Америки»; 4. «Народы Африки». Авторами первого раздела являются М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, широко использовавшие стенографический курс лекций С. П. Толстова по общей этнографии, читанный в Московском университете в 1939—1941 и 1945—1950 гг. Второй раздел составлен С. А. Токаревым с участием С. П. Толстова, третий — Б. И. Шаревской, использовавшей материалы подготовленного Институтom этнографии тома «Народы Америки», четвертый — Д. А. Ольдерогге при участии А. С. Орловой и М. В. Охотиной. Книга снабжена этническими картами (авторы Б. В. Андрианов и М. Я. Берзина), списком литературы, обильно иллюстрирована тщательно подобранными фотографиями и рисунками. С точки зрения технического оформления «Очерков» можно пожалеть лишь об отсутствии указателя, который значительно увеличил бы их справочную ценность.

* * *

Трудно переоценить значение первого, вводного раздела «Очерков». Изложенные здесь основные методологические принципы советской этнографии формулировались, разумеется, и раньше — в названном выше курсе лекций С. П. Толстова, в его же, а также М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова журнальных статьях, на страницах Большой Советской Энциклопедии. Но «Очерки» — первая печатная работа, где изложение этих принципов сведено воедино, в результате чего широкие круги читателей смогут получить полное представление о предмете и значении этнографической науки.

В соответствии со взглядами, разделяемыми подавляющим большинством советских ученых, авторы вводного раздела рассматривают этнографию как «отрасль исторической науки, изучающую культуру и быт народов земного шара, их происхождение, расселение и культурно-исторические взаимоотношения» (стр. 7). Авторы подчеркивают, что основой этнографии является последовательный историзм — изучение фактов и явлений в историческом аспекте на основе диалектического материализма. В «Очерках» характеризуются специфические приемы и методы этнографии, ее источники, ее тесная связь с рядом других научных дисциплин — гражданской историей, археологией, антропологией, филологией, географией. Раскрываются задачи и значение этнографической науки: если в империалистических государствах главной ее целью является обслуживание колониальной политики, то в Советской стране с самого начала ее образования этнографические знания служат установлению правильных взаимоотношений между народами, обеспечению тесной дружбы и братского сотрудничества народов в их борьбе за коммунизм. Этнографы сыграли и продолжают играть крупную роль в экономическом и культурном переустройстве отсталых в прошлом окраин СССР, их знания необходимы при определении путей развития национальных форм социалистической культуры. «Только этнографические знания дают возможность отделить то, что из огромного культурного наследия народов рационально, прогрессивно, заслуживает внимания и поддержки, от того, что является вредными пережитками, задерживающими продвижение вперед. Сейчас, в связи со значительным расширением прав союзных республик, это назначение этнографических знаний приобретает еще большую актуальность. Перспективное планирование производства предметов материальной культуры (одежды, мебели и пр.) без этнографических знаний не может быть поставлено правильно» (стр. 9). Наконец, этнографические знания необходимы и для всестороннего понимания исторического прошлого народов — не только их экономики или общественно-политического строя, но и условий материального быта, семейного уклада, представлений и обычаев.

Со всеми этими положениями нельзя не согласиться. И поэтому особенно удивляет то обстоятельство, что теоретическое значение этнографии авторы вводного раздела сумели проиллюстрировать лишь ставшей уже традиционной ссылкой на решение проблем истории первобытного общества. Думается, что не менее, если не более важно было бы показать значение этнографического материала для теоретических обобщений, касающихся современности, например формирования национальных общностей в условиях колониального режима или же создания нового типа семьи в социалистическом обществе. Ведь в обоих этих и в ряде других аналогичных случаев решаемые этнографами вопросы имеют именно теоретическое значение; разница в том, что в противоположность проблематике, относящейся к истории первобытного общества, теория здесь непосредственно связана с практикой национально-освободительного движения или же строительства социализма.

Очень интересны страницы, знакомящие читателя с понятием «народ» («этнос») и с различными, последовательно сменявшими друг друга видами этнических общностей — родоплеменными объединениями, народностями, нациями. Важнейшей историко-этнографической проблематике посвящен и последующий материал вводного раздела — сжатое изложение процесса антропогенеза и попутно истории первобытного общества, расоведения и языковой классификации человечества, понятия о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. Весь этот материал ценен не только с познавательной точки зрения: он убедительно показывает отсутствие какой-либо связи между расовым типом, с одной стороны, языком или культурой — с другой.

Кое-что в этой части книги вызывает возражения. Так, в своем объяснении происхождения экзогамии авторы вводного раздела ограничились изложением точки зрения А. М. Золотарева: «Обычай этот, — говорится в «Очерках», — был, очевидно, связан с усилением хозяйственно-культурного взаимодействия между отдельными локально-родовыми группами и с развитием более прочных связей между ними» (стр. 24). Между тем приведенная концепция — лишь одно из возможных решений все еще не решенного пока вопроса. В новейшей советской литературе наибольшим признанием пользуются взгляды С. П. Толстова, связывающего возникновение экзогамных запретов с потребностями упорядочения хозяйственной жизни внутри самих первобытных коллективов¹.

¹ См. С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9/10, стр. 34; Н. А. Бутин, Проблема экзогамии (по австралийским материалам), Сб. «Родовое общество. Материалы и исследования», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XIV, М., 1951; П. И. Борисковский, Древнейшее прошлое человечества, М.—Л., 1957, стр. 196, и др.

Независимо от того, какой точки зрения придерживаются М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, им следовало показать читателю сложность и дискуссионность проблемы экзогамии, борьбу мнений вокруг этого трудного вопроса первобытной истории. Переходя далее к вопросу о возникновении верхнепалеолитического искусства, авторы вводного раздела отмечают: «Возможно, что искусство это имело, по крайней мере частично, религиозный характер» (стр. 24). Аргументов в пользу этого предположения приблизительно столько же, сколько и против него. Кто знает, о чем думал верхнепалеолитический человек, протыкая копьем первое нарисованное им изображение животного, — колдовал или учил молодежь приемам охоты? Есть ли у нас веские основания говорить о религиозной роли первоначального искусства, даже не упоминая о его более чем возможной воспитательной и познавательной роли? Думается, что этот вопрос требует еще самого серьезного и всестороннего обсуждения.

* * *

Раздел «Народы Австралии и Океании» открывается коротким введением, содержащим общую характеристику этой этнографической области и исторических судеб ее населения. Здесь сразу же дается ответ на вопрос, который уже через несколько страниц неизбежно встанет перед читателем: в чем причины отсталости коренных жителей австрало-океанийского мира? Не в расовых особенностях, не в неспособности к культурному прогрессу, а в специфических условиях исторического развития, подчеркивают авторы. Австралия и Океания были далекой окраиной эйкумены, человек заселил их гораздо позднее, чем другие части света, и вынужден был затратить на их освоение огромную энергию, много жизненных сил. Культурному развитию области отнюдь не способствовала и европейская колонизация, в большинстве случаев приводившая если не к истреблению коренного населения, то к разрушению его культуры, судить о которой теперь можно лишь по историческим реконструкциям.

Именно эта реконструкция самобытной культуры австралийцев, тасманийцев и океанийцев составляет, наряду с важнейшими сведениями по их этнической истории, основное содержание раздела.

Очень содержательно, даже в самом сжатом объеме «Очерков», изложены проблемы происхождения и древнейшего расселения народов Австралии и Океании. Хотя при нынешнем состоянии изученности вопроса далеко не все здесь до конца ясно, предлагаемая в книге этногенетическая концепция не во всех своих основных звеньях представляется стройной и убедительной. Пожалуй, только больше внимания следовало уделить теории американского происхождения полинезийцев и критике взглядов ее нынешнего адепта Тора Хейердала. Сделать это было тем более необходимо, что вопрос об американо-океанийских связях поднимается в «Очерках» и вторично, в разделе о заселении Америки, и притом в несколько нечеткой форме. После того как читателю сообщается, что большинство современных исследователей не разделяют взглядов ни Хейердала, ни Поля Риве, его неизбежно должно поставить в тупик следующее замечание автора американского раздела: «Несомненно все же, что связи Океании с Южной Америкой имели место в древности и сыграли определенную роль в заселении южной части американского континента и в обмене достижениями культуры. Так, из Америки распространилась культура батата, несомненно привезенная отсюда в Океанию» (стр. 135). В какой мере американо-океанийские связи, коль скоро они имели место, сказались на формировании этнического состава обеих областей? Малоподготовленному читателю нелегко будет разобраться в этом вопросе.

Удачны страницы, посвященные хозяйству и материальной культуре народов Австралии и Океании. Автору удалось показать, что, несмотря на очень низкий уровень развития хозяйства и общества австралийцев, они проявили замечательное умение приспособиться к окружающей среде. Присвоение «даров» скудной австралийской природы было нелегким делом — оно потребовало выработки поразительных охотничьих навыков, сравнительно высокой техники обработки камня, изобретения такого своеобразного оружия, как знаменитый бумеранг. Освоение человеком Австралии граничило с подвигом; поэтому австралиец и его самобытная культура, как бы архаична она ни была, вызывают у читателя чувство глубокого уважения. Столь же яркое впечатление оставляет описание материального быта народов Океании, которые, лишившись на своей новой родине культурных достижений далеких восточноазиатских предков — гончарства, металлообработки, ткачества, — достигли поистине замечательного искусства в обработке камня, дерева, луба.

Нам представляется, что, говоря об экономике австралийского общества, следовало бы отметить такой фактор ее развития, как отсутствие крупных и опасных объектов охоты. Охота на крупных животных, требовавшая максимального напряжения усилий всего производственного коллектива, вплоть до перехода к земледелию зачастую оставалась ведущей отраслью хозяйства первобытных людей. Не исключено, что особенности австралийской фауны сыграли известную роль и в замедленном развитии производительных сил, и даже в «преждевременном» разложении у австралийцев материнской родовой общины, разложении, ускоренном затем европейской колонизацией.

Характеристика общественного строя народов Австралии и Океании по праву занимает в рецензируемой книге значительное место. Как специфика родового строя у австралийцев, так и особенности социальных отношений на островах Океании дают неопценимый материал для решения ряда важнейших проблем истории первобытного об-

щества. И хотя этот материал и вытекающие из него выводы могли быть представлены в «Очерках» лишь в самой сжатой форме, читатель может почерпнуть здесь немало ценных фактов и соображений. Таковы прежде всего данные об австралийском племени, о фратриальной и брачно-секционной организации, а также тесно связанной с ней «классифицирующей» системе родства, об отношении рода к локальной группе и, наконец, о едва ли не наиболее важном вопросе австраловедения — историческом соотношении материнского рода у одних групп австралийцев и отцовского рода — у других. Известно, что этот вопрос имеет немалое методологическое значение; его решение, предложенное советскими этнографами (А. М. Золотаревым, С. П. Толстовым), вырывает один из краеугольных камней здания, построенного сторонниками реакционной теории многолинейного развития человечества. Переходя далее к характеристике межплеменных отношений, авторы правильно подчеркивают их мирный в своей основе характер. Войны, говорится в «Очерках», «отнодь не были, как это иногда думают, обычным явлением у австралийцев. Да и когда они случались, то велись с соблюдением правил и ограничений и не доходили до больших кровопролитий» (стр. 77). Таким образом, материалы этнографии австралийцев, как, впрочем, и многих других отставших в своем развитии народов, развенчают еще один псевдонаучный миф — об извечности войн.

Среди приводимых в «Очерках» сведений об общественном строе народов Океании наиболее интересны данные о переходе от родовых связей к территориальным и о сложных, всегда исторически-своеобразных путях классообразования. Непосредственной основой классообразования было развитие форм собственности, и в «Очерках» хорошо показаны их конкретные особенности в различных обществах Океании. Правда, не все здесь представляется бесспорным: некоторые формулировки этого раздела отличаются скорее осторожностью, чем четкостью. Так, в Меланезии «общинная (родовая или общедеревенская) собственность на всю землю сочеталась с индивидуальным правом собственности на землю, обработанную личным трудом» (стр. 102). Индивидуальной является в равной степени и личная, и частная собственность — о какой из них здесь идет речь? Несколько дальше, характеризуя формы собственности в Полинезии, авторы высказываются определеннее: «Настоящей частной собственности на землю в Океании не сложилось, но земля принадлежала частью сельским общинам, частью большим патриархальным семьям, по преимуществу знатным. Купля-продажа земли была совершенно не известна. Движимое имущество составляло личную собственность» (стр. 116). Таким образом, частной собственности, по крайней мере «настоящей», не знали даже полинезийцы. Но что авторы называют настоящей частной собственностью на землю? Насколько можно судить по контексту — право ее свободного отчуждения, купли-продажи. Однако это право вовсе не является определяющим признаком частного землевладения: им, например, зачастую не обладал даже феодал, хотя феодальное землевладение, несомненно, было специфической, но вполне реальной формой частной собственности. Определяющим признаком является возможность такого распоряжения землей, при котором открываются пути к общественному неравенству и эксплуатации человека человеком². Если принять это положение, то мы найдем зарождающуюся частную собственность и в Полинезии, и во многих обществах Меланезии: ведь только на ее основе могло возникнуть то социальное, подчас уже, несомненно, классовое расслоение, которое так ярко и разносторонне описывается в рецензируемой книге. Разумеется, мы, как и авторы «Очерков», говорим здесь лишь об общих линиях развития: огромное значение имели локальные варианты, сложившиеся на отдельных островах океанского мира.

Описание самобытной культуры народов Австралии и Океании заканчивается содержательной характеристикой их духовной жизни. Следующие затем страницы посвящены современному положению коренного населения. Очерки эти выразительны, но, пожалуй, непропорционально малы. Читатель получает здесь яркое представление об основных этапах колонизации Австралии и Океании, зверском истреблении и ограблении аборигенов, их невыносимо тяжелой жизни под властью «белых» колонизаторов. Зато немногие строки, повествующие о современной культуре и быте коренного населения, оставляют чувство неудовлетворенности. Сохранились ли какие-нибудь черты самобытной культуры у австралийцев, что именно от своей прежней культуры удержали полинезийцы и, главное, в какие конкретные формы вылился их новый культурно-бытовой уклад, — все эти вопросы остаются в книге без ответа.

Сказанное в известной степени относится и к тем очеркам, которые посвящены англо-австралийцам и англо-новозеландцам. Они содержат лишь самые общие данные: язык, религиозная принадлежность, экономика, классовый состав, положение трудящихся. Какие-либо сведения об особенностях культуры этих двух крупнейших народов данной части света в книге отсутствуют.

Забегая вперед, отметим, что этот же недостаток свойственен и очерку о прошлом населении Южной Африки — африкандерах. Напротив, в очерках о «белых» народах Америки в большой степени выполнено данное в предисловии обязательство обращать главное внимание на те явления, которые наиболее ярко отражают национальную специфику культуры и быта отдельных народов» (стр. 3).

² См. дискуссию по книге М. В. Калганова «Собственность в социалистическом обществе», «Коммунист», 1953, № 17; 1954, № 3.

* * *

Раздел «Народы Америки» больше предыдущего. Это и понятно: насчитывая свыше 360 млн. человек, население Америки включает многие десятки народов и племен, причем все они обладают своими культурно-бытовыми особенностями. На вытянувшись почти во всю длину меридиана американском континенте возникло и развилось большинство существующих хозяйственно-культурных типов. Этнография Америки дает ценнейший материал и для решения вопросов первобытной истории, и для исследования культурных взаимовлияний, и для изучения развития этнических общностей. Наконец, где как не в Америке находим мы ярчайшие образцы резких социально-бытовых контрастов, варварского национального угнетения, разлагающейся буржуазной культуры?

Раздел разбит на две части, из которых одна посвящена народам Северной Америки, а вторая — народам Мексики, Центральной и Южной Америки. Эта композиция основана на учете исторических судеб и древних культурных связей народов американского континента, и с ней нельзя не согласиться. Удачным представляется и «смешанное» внутреннее построение каждой части: очерки, посвященные отдельным народам или их группам, во избежание повторений дополняются общими очерками о религиозных верованиях, народных знаниях и творчестве, современном положении североамериканских индейцев.

Сложность этнического состава Америки и своеобразие путей его формирования — первое, с чем сталкивается читатель американского раздела книги. Поэтому следует приветствовать то обстоятельство, что в «Очерках» нашлось место не только для подробной классификации языков коренного населения, но и для изложения основных этнографических проблем, связанных с первоначальным заселением и европейской колонизацией континента. Другой положительный момент — последовательное использование хозяйственно-культурной классификации народов Америки ко времени европейского вторжения. Выработанная советской этнографической школой, эта классификация своим историческим подходом к материалу принципиально отличается от принятого в американской этнографии деления на «культурные ареалы»; историческая эволюция хозяйственно-культурных типов хорошо показана в «Очерках», в частности на примере охотничьих племен североамериканских прерий.

К числу главных достоинств раздела относится всесторонний показ того немалого вклада, который внесло коренное население Америки в сокровищницу общечеловеческой культуры. Длинный ряд получивших мировое распространение культурных растений (картофель, кукуруза, помидоры, табак, какао, агава), добывание каучука и изготовление пеммикана, пользование гамаком и игры в мяч — все это европейцы получили от коренных жителей Америки, переняв от них заодно и множество ставших интернациональными слов. Особенно полно и ярко обрисована в книге древняя высокая культура народов Мексики, Центральной Америки и Андского нагорья, среди которых были создатели своеобразных систем ирригации, металлургии меди и свинца, величественных городов, развитой иероглифической письменности, замечательных памятников искусства. В очерке подчеркивается самобытность индейской цивилизации — в этом также сказывается концепция советской этнографической школы, которая, вопреки распространенным в буржуазной науке взглядам, отнюдь не пытается свести всю историю культуры к серии заимствований из единого источника — высших цивилизаций так называемых исторических народов Старого Света³.

Успехи и неудачи в этнографических характеристиках народов Америки лучше всего видны на примере описаний тех «нетрадиционных» для этнографии, далеко ушедших от примитивности народов, которые только советской наукой были введены в круг серьезного изучения. Как уже отмечалось выше, разработка методов их этнографического описания потребовала большого труда и по настоящее время не может считаться законченной. Содержащиеся в «Очерках» этнографические характеристики североамериканских негров, канадцев, крупных латиноамериканских наций (разработанные в главах тома «Народы Америки» И. А. Золотаревой, В. П. Мурат, И. Ф. Хорошаевой, С. Брандао и З. Ф. Черновым, Ю. П. Аверкиевой) являются первым опытом в этой области.

В очерке, посвященном североамериканцам, хорошо рассказано о сложении американской нации из этнически разнородных элементов, которые и сейчас слились не везде и далеко не полностью. Удачно показаны специфика населения различных районов страны и наряду с этим — основные культурно-бытовые особенности всей нации в целом. В очерке можно найти много интересных сведений о хозяйственных занятиях и жилищах, одежде и пище, общественных традициях и бытовых привычках американцев разных классов и слоев общества. Однако не все в очерке продумано до конца. В частности, нам кажется, что еще важнее, чем отметить стандартизацию материального быта американцев, надо было сказать о стандартизации духовной жизни определенных сло-

³ Так, в одной из последних зарубежных публикаций по общей этнографии — трехтомнике Бернацка (Н. А. Bernatzik, Die neue große Völkerkunde, Frankfurt a/M, 1954, т. III, стр. 6) развитие высших цивилизаций (Hochkulturen) Америки связывается, хотя и с оговорками по поводу неизученности вопроса, с индийскими влияниями.

ев населения США, которая усиленно культивируется в стране, с тем чтобы превратить мыслящих людей в послушных роботов. Эта стандартизация является страшной угрозой культурному развитию американского народа; фантастическая повесть Рэя Бредбери «451» по Фаренгейту» показывает, что это вызывает все большую озабоченность прогрессивных сил США.

Очерк «Негры США» всесторонне знакомит читателя не только с тяжелыми условиями существования этого крупного народа современной Америки, но и с характерными чертами его семейной и религиозной жизни, богатством духовной культуры, успехами в борьбе за равноправие. Интересные этнографические сведения есть и в небольших заметках о мексиканском, китайском, японском населении США. Содержательный очерк о латиноамериканском населении двадцати республик Центральной и Южной Америки оставляет несколько двойственное впечатление. Давая четкое представление о путях формирования народов Латинской Америки и общих чертах их своеобразной культуры, автор не показывает культурно-бытовой специфики отдельных латиноамериканских наций. Менее удачны страницы, посвященные канадцам: читатель найдет здесь лишь довольно общие сведения о занятиях и этническом составе, культура же, особенно культура основных групп населения страны — англо- и франко-канадцев — охарактеризована совсем скупо. И уже совершенно неудовлетворительным представляется отдельный, хотя всего в десять строк, очерк о пуэрториканском населении США.

Есть в разделе отдельные неточности. На стр. 148 сообщается, что в годы второй мировой войны алеуты были переселены на Аляску, но не говорится о том, что еще в 1945 г. они воспользовались разрешением покинуть эвакуационные пункты континента и вернулись на родину⁴. На стр. 223 начавшийся в XV в. ввоз африканских негров в Центральную и Южную Америку несколько упрощенно объясняется одним лишь истреблением индейцев. В действительности причиной была не только нехватка рабочих рук, но и намерение Мадрида и Ватикана сохранить оставшиеся контингенты аборигенов. Испанское правительство хотело иметь в коренном населении известный противовес возраставшему сепаратизму колонистов, а католическая церковь стремилась расширить круг паствы и тем увеличить свои доходы. В 1537 г. папская булла запретила дальнейшее порабощение индейцев, в 1542 г. императорский указ возвестил освобождение индейских рабов. Напротив, ввоз рабов-негров поощрялся: африканцы были выносливее; кроме того, оторванные от родной почвы, они не поднимали, подобно индейцам, восстаний. Станным представляется упорное (см. стр. 244, 248) наименование современного крупного чиновничества Латинской Америки «служилой знатью»: этот термин имеет все же специфически феодальный характер.

* * *

С большим интересом обратится читатель к разделу «Народы Африки». Африка — «пробуждающийся материк». На наших глазах здесь стремительно развивается национально-освободительное движение, складываются нации, рождаются новые государства, приходят в движение многомиллионные массы поработанных империализмом людей. И не только поработанных, но и оклеветанных реакционной наукой, представители которой положили немало труда, чтобы доказать «неспособность» африканцев к самостоятельному культурному развитию, а следовательно, и необходимость сохранения европейской «опеки» над ними.

Опираясь на многочисленные факты, Д. А. Ольдерогге показывает, что еще в XV в. «многие африканские народы стояли на довольно высоком уровне развития» (стр. 264). Не только в северной части Африки, где еще в глубокой древности возникли высокие цивилизации египтян и аксумитов, но и южнее, на территории так называемой «Черной Африки», местное население создало длинный ряд собственных государств — Гана, Мали, Сонгаи, Борну, позднее Ашанти, Йоруба, Дагомея, Конго. «Черная Африка» знала металлургию железа, многолюдные города, высокохудожественную скульптуру. Не «неполноценностью» народов негроидной расы, а веками невозбранной охоты на черных рабов и установившимся затем тяжелым колониальным гнетом объясняется пресловутая отсталость большинства африканских народов.

Автор показывает, что народы Африки не мирятся со своим порабощением. Об этом свидетельствуют движение махдистов, борьба зулусов против англо-бурских захватчиков, многолетняя борьба алжирского народа против французских колонизаторов, ряд других восстаний в различных областях континента. Но в прошлом эти выступления были изолированными и могли привести лишь к временным победам. Другое дело сейчас, когда массовое движение в Африке, сливаясь в единый поток антиимпериалистической борьбы, приближает час полного распада системы колониализма.

Этнографическое описание народов Африки построено по единственно возможному в условиях искусственных колониальных границ этно-географическому принципу и более или менее равномерно охватывает все части африканского континента. Подобранный автором материал дает разносторонние сведения о хозяйстве и общественном строе, материальной и духовной культуре. В то же время открывающее раздел введение позволяет составить общее представление о сложном антропологическом и языковом составе населения.

⁴ T. B a n k, The Birthplace of the winds, N. Y., 1956.

Однако наряду с достоинствами в разделе немало существенных пробелов и недостатков. Прежде всего здесь не отражены или отражены в нечетком, подчас ошибочном виде многие проблемы, разрабатываемые на африканском этнографическом материале. Автор обходит молчанием проблему национальной консолидации народов Африки, хотя уже имеются работы, дающие солидный материал для суждения по этому вопросу. Лишь описательно, без показа его значения для решения проблем первобытной истории, представлен ценнейший материал по матриархату у народов Западной Африки. Автор утверждает, что образ жизни пигмеев «малыми группами и даже парными семьями обусловлен тяжелыми условиями жизни в лесных дебрях» (стр. 308); при этом, очевидно, упускается из виду, что тяжелые условия жизни повсеместно влекли за собой как раз коллективные формы хозяйства. Неверно утверждение, что у туарегов всякое наследование шло по материнской линии (стр. 270): их общественный строй тем и интересен, что, подобно гереро, они наследовали собственность по линии как материнского, так и отцовского родства. Объяснение распространения в Магрибе арабского языка одной лишь политической правителей (стр. 266) односторонне: политический фактор действовал в соединении с фактором близкого языкового родства завоевателей арабов и покоренного берберского населения.

Существенным недостатком раздела является невнимание к успехам народов, разорвавших оковы колониализма. Это особенно заметно, в очерке об Египте, где нет ни слова о современных достижениях в области экономики, а все успехи в развитии культуры сведены к росту числа учащихся в высших учебных заведениях. В разделе встречаются нечеткие формулировки, мелкие неточности, противоречия. На стр. 267 говорится, что в настоящее время нет никакой возможности выделить в Северной Африке чисто берберские группы населения, а несколькими строками ниже такие группы выделяются весьма четко. Неверно утверждение, что для современной египетской буржуазии характерно многоженство (стр. 276). Эфиопия — не единственная в наши дни христианская страна в Африке (стр. 283): в Либерии и Южно-Африканском Союзе господствующей религией также является христианство.

* * *

«Очерки общей этнографии», выпущенные сравнительно небольшим тиражом, хотя и рассчитанные на довольно широкий круг читателей, несомненно, уже в скором времени потребуют переиздания. Это позволит, еще более развить хорошие стороны книги, учесть ее недостатки. Хотелось бы, чтобы при этом в первую очередь было уделено больше внимания характеристике культурно-бытовой специфики крупных развитых наций (может быть, за счет некоторого сокращения сведений общеэкономического и общеполитического характера). Следует подумать и о том, чтобы шире показать явления современной культуры.

Улучшать, разумеется, можно любую книгу. Сейчас же важно отметить, что коллектив «Очерков» сделал большое дело, подарив советскому читателю первый выпуск первого общедоступного труда о жизни всех народов земного шара.

А. Першиц

J. C. TREVOR. *Race crossing in Man. The analysis of Metrical Characters*. University of London. Galton Laboratory University College. 1953.

Антропологические особенности групп смешанного происхождения давно привлекают внимание исследователей. Помимо посемейных обследований, охватывающих два или три поколения, опубликован ряд работ, в которых антропологические признаки метисных групп сопоставлены с признаками исходных расовых типов. Полученные в отдельных работах результаты не вполне согласуются между собой. Поэтому большой интерес представляет новейшая работа Дж. Трево, поставившего своей задачей обобщить полученные данные.

Дж. Тревор использовал материалы разных авторов о 10 группах смешанного происхождения, в том числе о метисах англо-американцев и негров, англо-американцев и индейцев сну, французов и индейцев оджибва (алгонкинов), испанцев и индейцев группы майя, голландцев (?) и индонезийцев о. Кисар близ Тимора, англичан и полинезийцев о. Таити, англичан и индийцев-подов. Весь материал, таким образом, относится к смешению далеких расовых типов. Подвергнуты анализу лишь метрические признаки — в одной группе лишь диаметры головы, в других также и некоторые размеры тела. К сожалению, ни для одного признака нельзя провести сравнения по всем 10 группам.

В 80 случаях, считая все признаки во всех группах, мужских и женских, различие исходных типов оказывается статистически достоверным. Метисные группы в 67 случаях занимают промежуточное положение между исходными типами, притом в 35 случаях эту промежуточность можно признать статистически надежной. Для дальнейшего анализа автор пользуется индексом, выражающим разность средних величин метисов и европейцев в долях разницы европейского и неевропейского исходных типов. Индекс по